

RU

Лингвосемиотический портрет кёнигсбергского затворника: Иммануил Кант

Седых А. П.

Аннотация. Цель настоящего исследования – выявление общеязыковых, общекультурных и этнокультурных признаков языковой личности немецкого философа XIX века Иммануила Канта. Научная новизна исследования состоит в выделении особенностей когнитивно-дискурсивных построений языковой личности кёнигсбергского мыслителя в русле изучения лингвосемиотических механизмов функционирования специальных терминов, как в пространстве законченного высказывания, так и на уровне универсального фонда философского нарратива. Один из ключевых моментов работы – развитие концепции лингвосемиотического толкования категории «языковая личность», которая рассматривается как семиотическая целостность и аксиологический конструкт, функционирующий в синергии двух форматов: индивидуальной и универсальной идентичности. Базовым элементом выявления признаков языковой личности данного типа выступает лингвистический анализ дискурса, который генерирует аутентичные параметры функционирования лингвокогниции философа. Когнитивное и эпистемическое измерение знания закладывает основы для потенциального развития исследовательской мысли в русле осуществления концептуального и лингвистического анализа текстового пространства. Полученные результаты показали преобладание универсальных характеристик философского дискурса немецкого мыслителя, а также предоставили возможность обнаружить на уровне языковой личности информацию об элементах его мировоззрения и менталитета в качестве носителя национального языка. Полученные данные позволили выявить признаки языковой личности Иммануила Канта, актуальные для современных способов преодоления кризисно-стрессовых ситуаций на путях экзистенциальной стабилизации поведенческих моделей когниции и коммуникации.

EN

Linguo-semiotic portrait of the Königsberg hermit: Immanuel Kant

Sedykh A. P.

Abstract. The aim of the research is to identify the general linguistic, general cultural and ethnocultural features of the linguistic personality of the 19th-century German philosopher Immanuel Kant. The scientific novelty of the research consists in highlighting the features of the cognitive-discourse constructions of the Königsberg thinker's linguistic personality in line with the study of the linguo-semiotic mechanisms of functioning of special terms, both in the space of a complete utterance and at the level of the universal foundation of a philosophical narrative. One of the key points of the work is the development of the concept of linguo-semiotic interpretation of the category "linguistic personality", which is considered as a semiotic integrity and axiological construct functioning in the synergy of two formats: individual and universal identity. The basic element of identifying the signs of a linguistic personality of this type is the linguistic analysis of the discourse, which generates authentic parameters for the functioning of the philosopher's linguistic cognition. The cognitive and epistemic dimension of knowledge lays the foundation for the potential development of research thought in line with conducting a conceptual and linguistic analysis of the text space. The research findings showed the predominance of the universal characteristics of the German thinker's philosophical discourse and also made it possible to discover the information about the elements of his worldview and mentality as a native speaker of a national language at the level of linguistic personality. The data obtained made it possible to identify the features of Immanuel Kant's linguistic personality that are relevant for modern methods of overcoming crisis and stress situations on the paths of existential stabilization of behavioral cognition and communication models.

Введение

Повышение роли личностного мироощущения, всё возрастающие потребности индивида и востребованность обществом адекватных оценок получаемой перманентно ускоряющимися темпами информации и предопределили

актуальность тематики нашей работы. Харизматичность личности великих философов прошлого обладает мощным потенциалом воздействия на сознание современного человека, а мысли, зафиксированные в их трудах, выражены образцовым языком и актуальными для всех поколений логико-семантическими построениями.

Современная эпистемология позиционирует философию как деятельность, что совпадает с концептуальными воззрениями Иммануила Канта, отражёнными в его труде «Критика чистого разума». Главный маркер современности – это более практическая философия, которая прославляет эту самую современность через моральный долг и мысль, выходящую за рамки возрождения метафизики. Объекты метафизики, считавшиеся невосприимчивыми к теоретическому знанию, приобретают всю свою необходимость с практическим разумом. Именно потому, что моральный закон в своем диалектическом отношении между гипотетическим императивом и категорическим императивом навязывает себя человеку, современная философия сталкивается со своей действенной реальностью. Потому что философия как деятельность находит свое осуществление не в «вытеснении» метафизических тезисов, а скорее в способности последовательно знать, что «я должен делать» перед лицом идей чистого разума о сверхчувственном, которые характеризуются эпистемологической неустрашимостью для исследователя, так же как и язык, посредством которого они вербализуются.

На уровне непосредственной вербализации мысли философ вынужден сталкиваться с извечной дихотомией «локальность/универсальность» высказывания, когда индивидуальное становится всеобщим и достоверным. Из этой «локальности» вытекает прежде всего способ познания, который мыслитель вкладывает в естественные языки, – вложение, само по себе неотделимое от отношения к текстуальной универсальности (Седых, 2022).

С точки зрения лингвистических способностей примечательно, что Кант хорошо знал только два языка: родной немецкий и латинский. При этом им были написаны четыре диссертации на латинском языке. Английский язык почти не знал, с трудом говорил на греческом и французском. По мнению категорично настроенных исследователей, «кантовский философский язык» якобы не является его «родным немецким языком, а лишь переводом с латинского языка» (David-Ménard, 2000). По нашему мнению, это верно лишь для ряда философских терминов, используемых мыслителем. Несомненно, латинский язык древних сильно повлиял на структуру мысли Канта, но его крупнейшие работы написаны на немецком языке, который интегрирован не только в сознание, но и в логико-семантическое пространство философского дискурса кёнигсбергского затворника.

Специальная терминология выступает неотъемлемым элементом философского дискурса, и в этом плане терминологический аппарат и дискурсные конструкции есть продуктивный источник для реконструкции сущностных признаков модели языковой личности выдающегося учёного (Седых, Багана, 2008).

Категория идентичности, в частности «языковая личность», «дискурсная идентичность», «лингвофилософское тождество», всё чаще попадает в фокус внимания филологического сообщества (Азначеева, 2009; Бушев, 2010; Горелов, Седов, 2001; Карасик, 2007; Седых, Багана, 2008; Charaudeau, 2009; *Identités sociales...*, 2009; Kristeva, 2000). Вместе с тем изучение языковой личности философа находится на начальном этапе современных эпистемологических изысканий (Бердяева, 2006; Парсамова, 2004; Портнов, 2006; Sedykh, Ivanishcheva, Kogeneva et al., 2018), и терминологический корпус лингвосомиотического исследования философской картины мира и статуса мыслителя в национальном и всемирном измерении лингвокультуры только начинает обретать всё более чёткие концептуальные очертания.

В задачи нашего исследования входит лингвосомиотическая интерпретационная реконструкция языковой личности немецкого философа Иммануила Канта. Ключевым для проекта выступает выявление статуса дискурсной личности философа и её актуальности для современного человека с точки зрения выбора адекватной модели мировосприятия и коммуникации. Мы говорим не только о лингвокультурном аспекте дискурса, но и об универсальной методике философствования, свойственной любому языковому сообществу, лингвокультурному пространству, иными словами, историко-философской ипостаси национального языка. Адекватность, аутентичность и деятельностный подход являются приоритетами не только для филологов, но и для культурологов, психологов, социологов, коротко говоря, для гуманитарной парадигмы современного научного знания.

Теоретическую базу работы составляют концепции следующих исследователей и направлений: теория этнокультурных следов языкового знака и языковой личности (Седых, 1998; 2022), дискурсной идентичности (Charaudeau, 2009; *Identités sociales...*, 2009; Sedykh, Emanuele, Kugan, 2022), интеракционной коммуникации (Kerbrat-Orecchioni, 2005). Дополнительным элементом категоризации языкового материала явились идеи лингвистической персониферы (Нерознак, 1996) и интерпретативной семантики (Rastier, 2009; Droit, 2021), политической лингвистики (Hervet, 2007), исторической лингвосомиотики (Donneau, 2011).

Значимость теоретических построений работы видится в разработке социолингвистической трактовки категории «языковая личность» с введением дополнительных синергетических параметров дискурсной языковой личности. Анализ эмпирического материала (Кант, 1994, т. 1-8) позволяет говорить о подтверждении научных положений философии языка, теории дискурса и лингвосомиотики. Методика, теоретические позиции и результаты исследования могут послужить для дальнейших разработок теории моделирования специальной, в частности философской, картины мира и нового терминологического репертуара эпистемологической направленности.

Методы исследования включают в себя дискурсно-коммуникативную интерпретацию высказывания, а также выделение мотивировочных признаков коммуникации для обозначения реалий когнитивно-философской активности.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его результатов в процессе преподавания философских основ языкознания и основ межкультурной коммуникации, на лабораторных занятиях филологических и переводческих специальностей, в рамках практических курсов по подготовке преподавательского состава педагогических институтов и преподавателей классических университетов.

Обсуждение и результаты

Один из величайших мыслителей человечества уровня Сократа, Платона и Аристотеля проживал в бывшем прусском городе Кёнигсберг (современный Калининград), никогда не покидая границы своей маленькой родины. Звали немецкого философа Иммануил Кант (1724-1804), языковую личность которого мы попытаемся смоделировать в этом разделе.

По сути дела, Иммануил Кант задал себе три вопроса, на которые пыталась ответить вся его философия:

- Что я могу знать? (вопрос, на который он отвечает в «Критике чистого разума»);
- Что я должен делать? (на что он отвечает в «Критике практического разума» и в «Метафизике морали»);
- На что я могу надеяться? (на что он отвечает в нескольких работах, особенно в книге «Религия в простых пределах религии»).

Критика разума

Что я могу знать? Чтобы ответить на этот вопрос, Кант проводит критическое исследование разума, определяя, что он может и чего не может.

Разум в широком смысле обозначает у Канта всё, что в мышлении априорно и не исходит из опыта.

- Оно теоретическое (чистый разум) или спекулятивное, когда речь идет о знании.
- Он практичен (практический разум), когда он рассматривается как содержащий правило нравственности (этот Разум в широком смысле отличается у Канта от Разума в узком смысле слова как человеческой способности, стремящейся к высшей истине).

Кант здесь выступает критиком спекулятивного разума: речь идет не о скептической критике, а об исследовании, касающемся использования, объема и пределов разума.

Практикуя этот подход, Кант замечает, что математика и физика вступили на безопасную дорогу науки в тот день, когда они перестали быть эмпирическими и признали примат рационального доказательства.

По мысли философа, метафизика должна вдохновляться этим плодотворным методом. Здесь имеет место знаменитое понятие коперниканского переворота. Как Коперник полагал, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот, так и Кант допускает, что это наша способность познания организует именно знание, а не объекты, которые его определяют.

Пространство, время и категории

Это означает, что мы можем постигать мир только через априорные элементы. Термин «априорно» обозначает здесь то, что не зависит от опыта.

В этом смысле пространство и время предшествуют опыту: они являются априорными формами чувственности, то есть исходящими от субъекта интуитивными структурами, позволяющими упорядочивать предметы вне нас и внутри нас.

Но это ещё не все, и на втором уровне организации, на этот раз концептуальном, объекты должны быть осмыслены, организованы интеллектуально рассудком, способностью связывать ощущения благодаря категориям, или чистым понятиям, инструментам, позволяющим объединить чувственные категории, к которым Кант относит следующее:

- Единица, Множественность, Совокупность (количественные категории);
- Реальность, Отрицание, Ограничение (категории качества);
- Вещество и случайность, Причинность и зависимость, Сообщество (категории отношений);
- Возможность, Невозможность, Существование, Несуществование, Необходимость, Случайность (категории модальности).

Трансцендентальная точка зрения

Кантовский анализ проводится с трансцендентальной точки зрения: он касается не самих объектов, а *способа их познания и схватывания*, априорных элементов и понятий, составляющих опыт.

Время, пространство и категории касаются, по сути, априорных условий познания и способа постижения объектов. Без них никакое знание было бы невозможно.

Различим здесь трансцендентальную эстетику, обозначающую у Канта изучение априорных форм чувственности, каковыми являются пространство и время, и трансцендентальную логику, изучение форм рассудка как таковых, как они есть, то есть априорно.

При этом сама логика делится на аналитическую, раскладывающую схему чистых понятий и принципов, и диалектическую.

Феномены и ноумены

Последствия этих аналитических процедур кажутся решающими: если единственно возможная точка зрения трансцендентальна, если она имеет отношение к априорным условиям познания, то отсюда следует, что вещи, как они есть сами по себе, то есть независимо от того знания, которое мы можем иметь об этом, не могут быть зафиксированы.

Что я могу познать?

Данный интеррогатив находится в области того, что именно предлагается моему перцептивному полю в рамках чистых форм чувствительности (пространства и времени) и в рамках категорий, иными словами – область *явлений (феноменов)*.

Понятие феномена обозначает, по Канту, любой возможный объект опыта, то есть то, чем для нас являются вещи относительно нашего способа познания, в противоположность ноумену, вещи в себе, о которой разум может, конечно, размышлять, но не знать.

В этом смысле Бог есть *ноумен*, возможная реальность, но которой мы не можем достичь и которую мы не способны постичь.

Идеи разума

Человек, далекий от того, чтобы довольствоваться доступом к явлениям через категории рассудка, вырабатывает идеи разума (взятого здесь в узком смысле слова, как способность максимального единения с индивидом).

Идеи разума суть понятия, которым не соответствует ни один объект, данный чувствами, как, например, идея души или идея Бога. Если Идея разума имеет регулирующее применение и позволяет унифицировать наш опыт, тем не менее, она непознаваема и не может быть постигнута интуитивно.

Кант изучает Идеи разума (душа, Бог, свобода) в важной части текста «Критики чистого разума», части, называемой «Трансцендентальная диалектика», где она обозначает критику, раскрывающую обманчивую видимость притязаний разума, когда он стремится выйти за пределы области разума. Речь идёт об опыте, приближающемся к сфере чистой мысли, ошибочно полагая себя независимым от феноменальной и эмпирической составляющей.

Моральная ипостась долга

Теперь мы должны ответить на вопрос: «Что мне делать?»

Ответ Канта здесь однозначен: долг есть только долг. Что подразумевается под этим термином – *долг*?

Чтобы понять его значение, сначала обратимся к понятию *доброй воли*.

В «Основах метафизики нравственности» Кант осуществляет, по сути, анализ общего морального сознания и отмечает, что из всего, что можно помыслить в этом мире, нет ничего, что можно было бы рассматривать без ограничений, как *абсолютное добро*, если бы не *добрая воля*, то есть *абсолютно чистое намерение*, **благо без ограничений**, так как чистая воля, добрая сама по себе, обозначает волю к добру не по чуткой склонности, а в соответствии с долгом.

При этом доброжелательность отсылает нас к идее долга, к *категорическому*, а не гипотетическому *императиву*.

Императив является гипотетическим, когда заявленная цель (целеполагание) подчинена гипотезе или условию (например: *если хочешь добиться успеха, работай!*).

Категорический императив функционирует, когда команда отдаётся безоговорочно, когда что-то целесообразно само по себе, независимо от всякой гипотезы и всякого условия (например: *работа!*).

В первом случае действие есть средство для достижения результата. Во втором – поступок хорош *сам по себе*: **таков долг**.

Какова основная формула долга?

В ней говорится об универсальности закона, который просто утверждает всеобщее правило, предписание обязательного и повелевающего характера для всех без ограничений: «*Действуй только в соответствии с максимой, которую ты можешь захотеть, и в то же время, чтобы она стала всеобщим законом*» (Кант, 2006, с. 217).

Вторая формула долга относится, в свою очередь, к уважению к Личности, к разумному существу, цели самой по себе, обладающей абсолютной ценностью. В то время как вещи являются средствами, люди сами по себе являются целями.

Во втором своем аспекте практический императив определяется уважением к личности, к человеческому субъекту, который ни при каких обстоятельствах не должен рассматриваться как средство.

Воля, подчиняющаяся долгу, есть, наконец, *автономная воля*, находящая свой закон внутри себя. Таков у Канта принцип автономии воли, собственности, что последняя должна дать себе свое «законодательство» (легитимность). В то время как гетерономия относится к подчинению закону, не проистекающему из воли, *автономия* – это факт подчинения своему собственному закону.

Теперь мы можем дать более полное и синтетическое определение долга: он обозначает автономную моральную обязанность, необходимость совершить действие из уважения к универсальному закону, императивную безусловную упорядоченность – это центральное понятие долга в философии Канта. Что же касается счастья, то оно не достижимо, мы можем только сделать себя достойными его.

Кант и религия: тезис о надежде и власти целей

Теперь нам предстоит ответить на третий вопрос: «На что я могу надеяться?» (сфера религии). Ясно, что этот вопрос касается конфессиональной надежды.

Кант подчеркивает здесь, что понятия Бог, Свобода и Бессмертие далеко не доказуемы, а лишь являются постулатами или гипотезами практического разума, который в них нуждается.

Для Канта надежда на другую жизнь после смерти и на Справедливого Бога (Бога-правосудия) действительно связана с практической потребностью. Его концепция работает так: я постулирую Бога, свободу и бессмертие – это рационально обоснованные верования, порожденные актом веры.

Мне нужны эти постулаты, чтобы действовать **нравственно**.

Кант и эстетическая философия

Первая критика Канта касается **познания**, вторая – **нравственности**, третья – **эстетики**. Здесь категория «прекрасное» анализируется в его отношении к человеческому субъекту.

Возникает вопрос: «Что такое вкус?».

Кант отвечает: Способность судить о предмете или представлении по удовлетворению, свободному от всякого интереса («красиво, что нравится всем без создания концепта») (Кант, 1994, т. 5).

В то время как приятное очаровывает нас, прекрасное уводит нас от всякой эмпирической склонности. Универсальность красоты позволяет принципиально различать то, что нравится чувствам в ощущении красоты как таковой.

Кант также дифференцирует «прекрасное» и «возвышенное»: прекрасное можно постичь, а возвышенное обозначает то, что вне нас, оно бесконечно.

Во всех областях Кант отсылает нас к автономии и свободе человека, иными словами, к автономной свободной воле. Человек, субъект познания, также является автономным моральным субъектом (агенсиом) и автором бескорыстного и всеобщего суждения о вкусе. В политическом плане человек должен действовать нравственно и вывести государства из их постоянного состояния войны.

Проект Канта можно резюмировать следующим образом: оторвать **человека** от его природы:

1. Его метафизическая природа: он восстановил разум до его пределов, но в то же время облагородил человеческий разум.

2. Его нравственная природа: отрыв человека от его первичных страстей (эгоизма и корысти).

3. Его эстетическая природа: чтобы освободить чувства, человек должен приобрести способность судить о красоте.

4. Его политическая природа: вывести государства из их естественного состояния, которое привело бы их к взаимному уничтожению, чтобы основать проект вечного мира.

Философ эпохи Просвещения, основной автор истории мысли Иммануил Кант ставит под сомнение не сущность вещей, а условия, необходимые для того, чтобы вещи реализовались. Ученый, кажется, не задаёт вопрос «Каков мой долг?», а «Каким образом мне знать свой долг?», что, собственно, означает поиск решения проблемы при помощи категории «категорический императив».

Для Канта долг – это прежде всего форма долга. И эта форма есть форма категорического императива, противостоящего императивам гипотетическим, которым следует следовать, если вы хотите достичь цели. При этом морально это то, что должно быть сделано без какой-либо скрытой цели, ради самого себя. Говоря словами самого Канта: «Поступай только согласно максиме, по которой ты можешь желать в то же время, чтобы она стала всеобщим законом» (Кант, 2006, т. 4, с. 206).

Проблема в том, что у любого из нас есть естественная и понятная склонность к эгоизму и самосохранению. Можно сказать, что только общество, состоящее из бестелесных субъектов, не обращающих внимания на самих себя, способно принимать совершенно бескорыстные решения. Это одно из критических замечаний в адрес Канта: *его мораль настолько чиста, что её реализация маловероятна*. Католический писатель Шарль Пеги резюмирует это в лаконичной фразе: *Kant a les mains propres, mais il n'a pas de mains* (Цит. по: Mounier, 1993). / «Кант имеет чистые руки, но у него нет рук». Предлагаем читателям самим поразмышлять над этими высказываниями.

Приведём наиболее важные, по нашему мнению, цитаты Канта, на основе анализа которых представляется возможным выявление ключевых характеристик лингвоидентичности немецкого философа:

1. *Der Wille Gottes ist nicht nur, dass wir glücklich sind, sondern dass wir uns selbst glücklich machen* (Воля Бога не просто в том, чтобы мы были счастливы, но чтобы мы делали себя счастливыми).

2. *Sei Mut, deinen eigenen Verstand zu benutzen. Das ist das Motto der Erleuchtung* (Имейте смелость использовать собственный разум. Это девиз просветления).

3. *Die Wissenschaft ist organisiertes Wissen, Weisheit ist organisiertes Leben* (Наука – это организованное знание, мудрость – это организованная жизнь).

4. *Alle Interessen meiner Vernunft, spekulativ und praktisch, sind in den folgenden drei Fragen zusammengefasst: Was kann ich wissen? Was soll ich tun? Was kann ich erwarten?* (Все интересы моего разума, умозрительные и практические, объединены в следующих трех вопросах: Что я могу знать? Что я должен делать? Чего я могу ожидать?).

5. *Es ist immer schön, sich daran zu erinnern, dass alles, was wir uns vorstellen, mit dem Verstand realisiert werden kann* (Всегда приятно помнить, что всё, что мы концептуализируем, может быть реализовано с помощью разума).

6. *Nur wenige haben einen festen Weg eingeschlagen und es geschafft, durch eigene Gedankenentwicklung der Unreife zu entgehen* (Лишь немногие следовали твердым путем и сумели избежать незрелости благодаря собственному развитию мысли).

7. *Halte dich selbst so, dass du die Menschheit in besonderer Weise behandelst. Handle die Menschen niemals so, als wären sie Mittel zum Zweck, im Gegenteil, handle die Menschen immer gleichzeitig, als ob dies das ultimative Ziel wäre* (Веди себя так, чтобы относиться к человечеству особым образом. Никогда не относитесь к людям так, как если бы они были средством для достижения цели, напротив, всегда относитесь к людям одновременно, как если бы это была конечная цель).

8. *All unser Wissen beginnt mit den Sinnen, dann geht es weiter mit dem Verstand und endet mit dem Grund. Es gibt nichts Höheres als Vernunft* (Все наше знание начинается с чувств, затем продолжается пониманием и заканчивается разумом. Нет ничего выше разума).

9. *Wenn ein Mann einen Wurm aus sich gemacht hat, dann sollte er sich nicht beschweren, wenn er mit Füßen getreten wird* (Если человек сделал из себя червя, то не должен жаловаться, когда его топчут ногами).

10. *Sie müssen immer so handeln, dass Ihr Prinzip für den Rest der Welt ein sicheres Gesetz werden kann* (Живите своей жизнью, как если бы каждое ваше действие стало универсальным законом / Вы всегда должны поступать так, чтобы ваш принцип мог стать верным законом для остального мира) (Juárez C. Las 85 mejores frases de Immanuel Kant // Psicología y Mente. 18.03.2020. URL: <https://psicologiyamente.com/reflexiones/frases-immanuel-kant>).

Итак, с целью выявления существенных признаков языковой идентичности Канта рассмотрим вышеприведённые высказывания, опираясь на *дискурсно-матричный* принцип анализа, который включает в себя ряд этапов лингвосомиотической интерпретации текста:

1. Дикурсообразующий Концепт.
2. Доминирующая иллокуция.
3. Ключевая стратегия.
4. Прототипическая пропозиция.
5. Тип личности.

Представим поэтапно основные характеристики идентичности Канта:

1. Дикурсообразующий Концепт: *Разум*

Обоснование

Наиболее частотное использование прямых наименований *Разума* (*Vernunft; Verstand*), а также синонимов (*festen Weg; Unreife zu entgehen*).

С точки зрения эпистемологии высказываний категория разумности бытия или – точнее – создания «разумного» бытия для прусского философа, несомненно, выступает краеугольным камнем, но всё же до определённого момента. Кант вовсе не предоставляет *Разуму* «всё» эпистемологическое пространство (тотальность демиурга), нередко отказывается от его традиционных прерогатив; когда дело доходит до познания сущего, *Разум* становится безумным авантюристом, который должен дисциплинировать себя, чтобы подчиниться пониманию, единственному способному осуществить требуемую для всякого объективного знания связь между понятиями и опытом.

Кант, кажется, говорит нам: *Дух един!* Пока мы не стремимся идентифицировать то или иное использование нашего *Разума*, слова «разум», «дух» или «понимание» эквивалентны. С другой стороны, когда речь идёт о научном познании, Кант говорит о *Рассудке* как об источнике понятий (концептов), ибо последний должен уметь «определять» явления (феномены), тогда как такие концепты, как «бесконечность» или «тотальность», не способны к такому определению. Такие понятия-концепты, которые нельзя применить к опыту, Кант приписывает *Разуму* и называет их, вспоминая Платона, *Идеями*.

Великое открытие Канта состоит в когнитивном утверждении, что из понятия нельзя вывести ни знания, ни достоверности чего-либо существующего: «логика» не включает в себе никакой «реальности». Непротиворечивость рассуждения или концепта ничего не говорит о «возможной» реальности мыслимого. Возможное вовсе не есть мыслимое без противоречия, оно становится имманентным опыту и определяется его условиями, а не условиями наших мыслей.

Если разум определяет в нас побуждение, которое уводит нас за пределы данности, за пределы фактов, к вопросам, затрагивающим смысл вещей и наше состояние, то он, следовательно, способен «оседлать химеры», но также и дисциплинировать себя. Если это так, то это свобода; давайте не будем повторять, что, если бы нам понадобился внешний проводник, мы были бы «вечными шахтерами» (Кант, 2006).

Обобщая вышеизложенное, напомним, что вера в свет *Разума*, свойственная духу Просвещения, состояла в воображении, что великолепные успехи «новой науки» позволяют предвидеть исчезновение суеверия, фанатизма и «угнетения». Кант, со своей стороны и в определённом смысле, ограничивает власть *Разума*, поскольку в теоретических вопросах его функция только негативна: это функция *дисциплины и критики*.

2. Доминирующая иллокуция

Обоснование

Напомним о том, что британский философ языка Д. Л. Остин рассматривал речевой акт как *трехуровневое образование*, выделяя:

(1) **Локутивный акт** (локуция, от англ. locution ‘оборот речи, речение’) – этап лингвистического выражения, то есть непосредственно произнесение высказывания с помощью языковых средств. Ему присуще значение.

(2) **Иллокутивный акт** (иллокуция, лат. il- < in ‘в, внутри’) – прагматический компонент смысла высказывания, отражающий коммуникативную цель говорящего. К числу базовых иллокутивных актов относятся: констатив – коммуникативно-интенциональное содержание которого заключается в утверждении; перформатив – предложение, произнося которое человек совершает действие (например, сказав: «Я объявляю дискуссию открытой», говорящий действительно открывает дискуссию) и др.

(3) **Перлокутивный акт** (перлокуция, лат. per- ‘посредством’) – служит намеренному воздействию на адресата, достижению какого-то результата. Например, результатом произнесения предостережения типа «Собака лает» будет перлокуция – вывод: «Не пойдем туда, там лает собака».

Все три частных акта совершаются одновременно, а не один за другим. Их различие необходимо в методических целях.

Виды речевых актов:

- констатив (акт-утверждение);
- промисив (обещание);
- менасив (угроза);
- реквестив (просьба);
- квеситив (вопрос);
- инъюнктив (приказ);
- апеллятив (обращение по имени);

– перформатив (фразы-действия; например, фраза «Я тебя поздравляю» обозначает действие, заключаемое в самом ее произнесении) (Neill C. The Speech Act Theory of JL Austin. 10.12.2012. URL: <https://conorneill.com/2012/12/10/the-speech-act-theory-of-jl-austin/>).

Доминирующая иллюкуция немецкого философа базируется на законах формальной логики с использованием преимущественно *актов-констативов*.

Напомним, что формальная логика – это наука, на основании которой мы должны начать понимать, как работает разум, то есть *априорные законы понимания*.

Кант считает логику своего времени, унаследованную от схоластики, как замкнутую науку полной и удовлетворительной (что будет подвергнуто критике позже, так как логика с тех пор значительно развилась). Интерес логики в том, что она строго демонстрирует формальные правила всякого мышления. В этом смысле Кант видит в логике дисциплину, в которой «обнаруживаются» формальные законы мышления. При изучении философских иллюкуций понимание не имеет ничего общего, кроме самого себя и своей формы.

Законы логики в силу их формального характера являются априорными законами мышления. Действительно, они не изучаются *на опыте*, а *предшествуют опыту*. Они не касаются наших переживаний внешнего мира, но являются законами ума, законами, которым подчиняется понимание при анализе переживаний. Отметим, что «формальное» и «априорное» – два понятия, которые необходимо связаны у Канта.

Кант показывает, что по этому пути пошли и другие науки, например математика или даже физика, и что это позволило добиться весьма положительных результатов. В самом деле, точно так же как и логика, математика и физика являются двумя теоретическими знаниями *Разума*, которые должны определять свои объекты *a priori*.

Примечательно, что математик, рассуждая о круге и рисуя фигуру на доске, не рассуждает о самой этой фигуре, которую он только что нарисовал, в соответствии с тем опытом, который он имеет относительно неё. Это был бы эмпирический подход (основанный на опыте). Нарисованная фигура имеет только иллюстративную функцию, так же как и кантовская иллюкуция на основе *акта-констатива*.

3. Ключевая стратегия

Обоснование

Стратегическая составляющая дискурсивной матрицы может быть представлена в виде *стратагем* – методологических инструментов, систематизирующих разнообразные дискурсивные стратегии, обнаруживаемые в рассматриваемом нарративе. Для исследования дискурсивного пространства философских текстов критериальную значимость имеют стратагемы *презентации, аргументации, апелляции и манипуляции* (Кызыдуб, 2011).

Ключевой стратегией кантовского дискурса является, по нашему мнению, *стратагема аргументации*, а сопутствующим продуктом – *стратагема нейтрализации*.

Анализ философского дискурса должен принимать во внимание отношение между тем, что можно было бы назвать доктриной, системой, философией, и модусами или способами ее текстуализации, экспонирования. Философская активность вербализуется в произведении благодаря опосредованию процесса и приёма дискурсивной и текстовой репрезентации, но в определённой мере «стремится» их отрицать или, по крайней мере, контролировать.

Призвание философа, в частности Канта, состоит в том, чтобы его философия была признана и стала господствующим словом в философских институтах. Процедуры аргументации выполняют двойную задачу: с одной стороны, построение межобъективной связи, которая постепенно «десубъективизируется» путем контролируемой редукции случаев диалога, а с другой стороны, выработка позиции, значимой самой по себе, уменьшая (посредством опровержения) множественность поля, где все доктрины вступают в конкуренцию.

Кант в этом смысле стремится излагать «белым голосом», нейтрализуя точку зрения, стирая свой высказывательный субстрат, генезис или свою генеалогию (если только не использует их, наоборот, обращая против себя). Он избавляет дискурс от аффекта, биографичности, индивидуальности: с греческих истоков этой дисциплины философ-автор действует так, как если бы он уступил место слову истины, автором-изобретателем которого был бы не он, а только ходатаем некоего логоса-дискурса.

На самом деле это скорее вопрос отображаемого или мимируемого отношения, чем реального: «Мы знаем, как распознать в текстах множественность голосов, разнообразие точек зрения, постоянное присутствие модализаций, которые указывают, в какой степени теоретическая Позиция есть плод работы объективирующего обобщения, тайно сопровождаемой работой десубъективирующей субъективности, оперирующей точкой зрения и высказыванием. Случается также, что вместо стирания или отрицания, наоборот, предполагается постановка позиции в сингулярную перспективу ценой парадоксального переворота, который делает единичное, сингулярное опорным пунктом всеобщей истины» (Cossutta, 2004).

Обобщая вышеприведённые размышления, мы приходим к выводу о том, что для дискурса Канта доминирующей является стратегия аргументации, которая, балансируя на грани нейтрализации авторской позиции, стремится к вербализации всеобщей объективной истины.

Дискурс философа постоянно сталкивается с парадоксом, разрывающим его между его целью универсальности и его коммуникативными или аргументативными стратегиями. Любая доктрина должна укрепляться и занимать доминирующее положение в ущерб другим, хотя это теоретическое и институциональное господство всегда проблематично и в определённой мере зыбко, вплоть до прихода новой, более эффективной доктрины.

4. Прототипическая пропозиция

Обоснование

Понятие пропозиции составляет основу пропозитивной семантики. В данной работе понятие пропозиции понимается прежде всего в смыслообразующей функции. В соответствии с целью исследования, пропозиция

определяется как семантическая структура речевого знака, объединяющая *денотативное* и *сигнификативное* значения, из которых последнему принадлежит ведущая роль.

Определяя термин «пропозиция», мы исходим из концепции С. Д. Кацнельсона. «Пропозиция выражает определенное событие или состояние как отношение между логически равноправными предметами... содержит в себе момент образности и в этом отношении более непосредственно отражает реальность, чем предложение. Подобно картине, она изображает целостный эпизод, не предписывая направления и порядка рассмотрения отдельных деталей» (Цит. по: Седых, 1998, с. 78). В этом ракурсе пропозитивная структура – это картинка определенным образом соположенных «предметов мысли» и «предметных ситуаций», отражающих фрагмент реальной или психологической картины мира в виде конфигураций семантических компонентов.

Пропозиция – это *минимальная информационная единица содержания текста*, которая объединяет в единую структуру когерентные понятийно-семантические признаки предиката и актантов. Количество пропозиций в одном предложении (простом или сложном) может меняться в зависимости от количества предикатов. Количество актантов определяется семантическими валентностями конкретного предиката. Структурным ядром пропозиции является семантический предикат, то есть понятие, обладающее семантической валентностью на актантные аргументы, а её понятийным ядром – предметные актанты, обладающие свойством внеязыковой соотнесенности (референтности) (Sedykh, Ivanishcheva, Koreneva et al., 2018).

Традиционно пропозиции подразделяются на *событийные* и *логические*. Событийная пропозиция репрезентирует «портрет» деятельности, тогда как логическая – фиксирует результат умственной операции. Событийные пропозиции могут представлять: действие, физическое бытие, состояние или способы восприятия. Логические пропозиции всегда характеризуют, отождествляют или идентифицируют, релятивизируют или противопоставляют и пр.

Прототипическими для кантовского дискурса, по нашему мнению, выступают логические пропозиции *идентификации* и *каузальности*: *Mann einen Wurm = Füßen getreten; was wir uns vorstellen, mit dem Verstand realisiert werden kann.*

5. Тип личности

Обоснование

Философ Кант неотделим от типологических признаков его личности, представляющей собой деятельного субъекта и создателя самого себя в строгом соответствии со своими убеждениями, пусть даже идеалистическими. Поскольку человек способен к синтетическому априорному знанию, чистый разум способен познавать важные истины. Однако Кант не согласен с рационалистической метафизикой, постулирующей всемогущество разума, способного проникнуть во все тайны. Напротив, Кант утверждает, что именно субъект формирует окружающую его действительность. Субъект не только воздействует на мир, он активно участвует в его создании.

Примечательно, что Иммануил Кант дал формальное описание четырёх типов темперамента, которые он разделил на две группы: сангвинический и меланхолический типы рассматривались им как темпераменты чувства; холерический и флегматический – как темпераменты действия. С современной точки зрения первые можно связать с такой характеристикой темперамента, как эмоциональность, а вторые – с активностью (Седых, 2022).

При этом реальную личность самого Канта с малой долей вероятности можно отнести к одному из чистых типов описанных выше темпераментов. По словам современников, он был буквоед и педант. При этом сегодня бы его назвали «селфмейдмен» (*self-made man*), так как он действительно сделал себя сам как личность. В молодости он был горяч, как всякий подросток, но в дальнейшем «обуздал» себя, создав критическую философию, и заложил основы немецкого идеализма, основываясь не только на философской системе, но и на индивидуальной дисциплине каждодневного существования. В задачи нашей работы не входит биографическое или историческое описание реально существовавшей личности Канта. Напомним, что автор стремится лишь представить великого персонажа в его языковой или дискурсивной ипостаси, что является осознанным вызовом и труднейшей задачей. В этой перспективе мы опираемся на мысль философа о том, что именно словами мы думаем и передаем свои мысли другим с помощью языка.

Заключение

Итак, исходя из вышеприведённых языковых и дискурсивных фактов, языковую личность кёнигсбергского «схимника» можно определить как *этический идеалист*. В этом ключе его *трансцендентальный идеализм* строится в рамках концепции, ограничивающей поле нашего познания явлениями, данными нашей чувственности и отрицающей, что мы можем обладать познанием вещей такими, какие они есть сами по себе, то есть вне зависимости от наших когнитивных способностей.

Если попытаться остаться в рамках того, что доказывает кантовский аргумент, то можно сказать, что возможно продемонстрировать эмпирическую реальность пространства и времени, то есть объективную справедливость всех пространственных и временных свойств, например в математике и физике. Но эта эмпирическая реальность подразумевает трансцендентальную идеальность; пространство и время являются формами человеческой интуиции, и их можно доказать только для вещей, как они нам кажутся, а не для вещей, каковы они сами по себе.

Иммануил Кант как языковая личность предстаёт, с одной стороны, как *агностик* (мир в себе непознаваем), с другой – как *универсальный исследователь* (мир может быть смоделирован в соответствии с всеобщими этико-эстетическими принципами человечества). Мы оказываемся здесь перед чистым и истинным

творением духа, которое тем не менее отстранено от всякого простого произвола рефлексии и, следовательно, само выступает как продукт природы. Фундаментальное противопоставление, которым руководствуется вся систематика Канта, кажется недостаточным для того, чтобы определить, а также разграничить эту новую сферу, область языка в его особом интеллектуальном модусе. Если понятие математической обусловленности природы и идея долга и свободы составляют два центра критической теории, то язык должен теперь предстать как эксцентрическое образование. Это действительно очевидно уже в явном архитектурном делении кантовской теории. Система Канта включает в себя логику, а также этику и эстетику; она ориентирована как на «первые метафизические принципы естествознания», так и на «метафизику морали»; он основывает новые формы теории религии и теории права, философии истории и философии государства.

И тем не менее, в частности, «Критика чистого разума» через косвенные воздействия также решительно изменила форму философии языка, хотя она и была чужда чисто языковым проблемам. Может быть, нигде так ясно, как в этом пункте, не обнаруживается, что основное кантовское содержание отождествляется с неповторимым и индивидуальным историческим обликом его языковой личности. Динамизм и плодотворность нового интеллектуального начала способны постепенно завоевывать и осваивать всё новые области духа в силу присущей только языку Канта синергии субъективной универсальности и объективной индивидуальности.

Мир субъекта и мир объекта уже не стоят лицом к лицу, как две половины абсолютного бытия, а представляют собой один и тот же круг функций духа, через который мы получаем содержание обоих, их разделение и взаимную связь. Этот абстрактный результат подготовил новую почву для интеграции в конкретное исследование жизни духа посредством языка.

Источники | References

1. Азначеева Е. Н. К проблеме типологизации профессиональной языковой личности музыканта // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 43.
2. Бердяева Н. А. Языковая личность Бердяева. 2006. URL: <https://sci.house/filosofskie-issledovaniya-sovremennyye-scibook/yazykovaya-lichnost-berdyeva-9656.html>
3. Бушев А. Б. Языковая личность профессионального переводчика: монография. Тверь: Лаборатория деловой графики, 2010.
4. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики: уч. пос. Изд-е 3-е, перераб. и доп. М.: Лабиринт, 2001.
5. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собрание сочинений на немецком и русском языках: в 5-ти т. М.: Наука, 2006. Т. 2. Ч. 1 / подгот. Н. Мотрошиловой и Т. Длугач (Москва), Б. Тушлингом и У. Фогелем (Марбург).
6. Кант И. Собрание сочинений: в 8-ми т. / под общ. ред. А. В. Гулыги. Юбилейное издание, 1794-1994. М.: ЧОРО, 1994. Т. 3-8.
7. Карасик В. И. Эволюция и инволюция концептов // Аксиологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии и лингвокультурных типажей: сб. науч. ст. / под ред. Н. А. Красавского. Волгоград, 2007.
8. Кызыдуб Н. Н. Стратегический инструментальный дискурсивного пространства // Magister Dixit. 2011. № 2 (06).
9. Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. М.: Изд-во Московского государственного лингвистического университета, 1996.
10. Парсамова В. Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах: на материале писем Ю. М. Лотмана: автореф. дисс. ... к. филол. н. Саратов, 2004.
11. Портнов А. Н. Языковое сознание и языковая личность Мартина Хайдеггера (опыт реконструкции). 2006. URL: <http://main.isuct.ru/files/publ/vgf/2006/01/157.html>
12. Седых А. П. Контекст. Знак. Образ. Белгород: Изд-во Белгородского государственного университета, 1998.
13. Седых А. П. Язык, культура, коммуникация: французский мир: монография. Белгород: Эпицентр, 2022.
14. Седых А. П., Багана Ж. Лингвистические основы идиоэтнической интерпретации языковой личности // Вопросы филологии. 2008. № 3 (30).
15. Charaudeau P. Identité linguistique, identité culturelle: une relation paradoxale. 2009. URL: <http://www.patrick-charaudeau.com/Identite-linguistique-identite.html>
16. Cossutta F. Neutralisation du point de vue et stratégies argumentatives dans le discours philosophique. 2004. URL: <http://journals.openedition.org/semen/2321>
17. David-Ménard M. Kant et Freud pensent-ils dans la même langue? 2000. URL: <http://books.openedition.org/psorbonne/16034>
18. Donneau O. Des savants en société: les penseurs du XVIIe siècle au travail // L'émergence de la modernité: histoire des idées au XVIIe siècle / sous la dir. d'A. Staquet. Mons: Université de Mons, 2011.
19. Droit R.-P. Un voyage dans les philosophies du monde. P.: Albin-Michel, 2021.
20. Hervet C. Langage et pouvoir dans le 'Traité politique' de Spinoza // Philonsorbonne. 2007. Nu. 1. Année 2006-2007. <https://doi.org/10.4000/philonsorbonne.109>
21. Identités sociales et discursives / sous la dir. de P. Charaudeau. P.: Harmattan, 2009.
22. Kerbrat-Orecchioni C. Le discours en interaction. P.: Dunod, 2005.
23. Kristeva J. Le Temps sensible. Proust et l'expérience littéraire. P.: Folio Essais, 2000.
24. Mounier E. Charles Péguy. 1993. URL: <http://catho.org/9.php?d=c2t>

25. Rastier F. *Sémantique interprétative*. P.: Presses Universitaires de France, 2009.
26. Sedykh A. P., Emanuele V., Kugan E. I. Linguistic and cultural identity: Epistemological review // *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 2022. Vol. 8. No. 3.
27. Sedykh A. P., Ivanishcheva O. N., Koreneva A. V., Ryzhkova I. V. Modern philological knowledge: Anthropocentrism and linguistic identity // *International Journal of Engineering and Technology (UAE)*. 2018. Vol. 7. No. 4.38.

Информация об авторах | Author information

RU

Седых Аркадий Петрович¹, д. филол. н., проф.

¹ Московский международный университет;

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

EN

Sedykh Arkadiy Petrovich¹, Dr

¹ Moscow International University;

Belgorod National Research University

¹ sedykh@bsu.edu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 23.04.2023

Ключевые слова (keywords): философия языка; языковая личность; эпистемологический дискурс; философская картина мира; лингвокультура; philosophy of language; linguistic personality; epistemological discourse; philosophical worldview; linguoculture.